
Е. А. ГОРЮНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В V — НАЧАЛЕ VIII ВЕКОВ

На V — начало VIII в. приходится один из наиболее трудных для изучения этапов истории Днепровского Левобережья, остающийся во многом непознанным. Это было время значительных потрясений, вызванных вторжением в Юго-Восточную Европу кочевнических орд — сначала гуннов, затем аваров, что весьма осложнило культурно-исторический процесс, одной из сторон которого было изменение хозяйственной структуры и наметившийся переход к новым общественным отношениям. В то же время имеющиеся источники, как письменные, так и археологические, не позволяют во всей полноте и последовательности проследить явления и события, определившие ход этого процесса. Сложные проблемы, затрагивающие и этногенез восточных славян, нередко решаются лишь на основе формально-типологического анализа и картографирования древностей, происходящих из случайных находок. Справедливости ради нужно сказать, что это связано с тем, что массовые памятники Левобережья были открыты в самое последнее время и пока широко не изучались. «Случайные» древности, характеризующие V — начало VIII вв., в лесостепном Левобережье представлены выемчатыми эмалями и так называемыми древностями антов или русов.

К выемчатым эмалям принято относить ряд бронзовых эмалированных украшений, сделанных в своеобразном геометрическом стиле. В литературе распространено и другое название этих эмалей — «варварские», идущее от А. А. Спицина, который отделил их от провинциально-римских и других украшений с эмалью¹. Ареал выемчатых эмалей охватывает в основном Восточную Прибалтику и лесную зону к востоку и юго-востоку от нее вплоть до Поволжья и Нижнего Подесенья и, кроме того, правобережье Среднего Днепра. Что же касается лесостепного Левобережья, то здесь эти украшения немногочисленны и к тому же связаны в основном с его северо-западной окраиной, лесным пограничьем².

Существует мнение, что производство выемчатых эмалей имеет прибалтийские корни. Оно обосновано Х. А. Моора, которому удалось показать, что выемчатые эмали появились раньше, чем где-либо, в Мазурии, в среде галиндских и судаво-ятвяжских племен, и что здесь в отличие от Среднего Поднепровья были распространены все исходные формы этих украшений³. Связь выемчатых эмалей с археологическими комплексами определенного времени, не прослеженная в лесостепном Поднепровье, от-

¹ А. А. Спицин. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА, V, 1, СПб., 1903, стр. 149—192.

² И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 182.

³ Н. Моора. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks. SMYA, XL, 1934, S. 74—90; его же. О древней территории расселения балтских племен. СА, 1958, 2, стр. 27, 28.

четливо выступает за его пределами, в частности в Прибалтике. Работами прибалтийских археологов, в первую очередь Х. А. Моора, П. Куликаускаса, М. М. Михельбертаса, М. Х. Шмидехельм⁴, была уточнена датировка эмалей, некогда сильно колебавшаяся. Временем прибалтийских эмалей считается II — первая половина VI в. Для некоторых украшений, образующих типологические ряды, возможна и более узкая датировка, охватывающая столетие или даже меньший период. Судя по прибалтийским параллелям, лесостепные эмали относятся к III — первой половине VI в. Однако такая датировка не вызывает сомнений лишь в отношении изготовления эмалей. Вопрос же о времени их распространения не может быть решен столь же однозначно, поскольку, как уже говорилось, эмали, известные в лесостепном Поднепровье, не принадлежат датированным комплексам.

Трудно согласиться с Б. А. Рыбаковым⁵, М. Ю. Брайчевским⁶ и Е. В. Махно⁷, пришедшими к выводу о принадлежности выемчатых эмалей черняховской культуре. Их утверждение подкрепляется в основном неубедительной ссылкой на давние беспаспортные находки в Черняхове и Ромашках. Правда, как сообщает Е. В. Махно, две перекладчатые фибулы, относящиеся к кругу выемчатых эмалей, найдены при исследовании черняховского Компанийцевского могильника⁸. Этот случай, однако, примечателен лишь тем, что он исключителен. Ведь во многих десятках памятников черняховской культуры, известных как по разведочным работам, так и по стационарным исследованиям, эмали не обнаружены. Это может свидетельствовать лишь о том, что в лесостепном Поднепровье украшения с эмалью получили распространение не в черняховское время, а позднее, в V — первой половине VI в.⁹

Значительная концентрация в Среднем Поднепровье, как и некоторые типологические особенности встреченных здесь украшений, отличающие их от прибалтийских¹⁰, как будто свидетельствуют о сложении на Среднем Днепре собственного центра их изготовления. Скорее всего это могло иметь место в Киевском Полесье, где распространены памятники так называемого киевского типа, для которых обычны эмали¹¹. Существенно, что последние имеют много общего с верхнеднепровским селищем Абидня, где Л. Д. Поболем обнаружены следы эмальерного производства¹².

⁴ Н. Моора. Zur Frage...: его же. Die Vorzeit in Lettland., II, Tartu, 1938, S. 100—118; Pr. Kulikauskas. Emaliutiejū dirbiniai Lietuvoje. Kaunas, 1941; М. М. Михельбертас. Римские металлические предметы в Литве. СА, 1965, 3, стр. 163—177; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1965, стр. 217 сл.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ранняя история восточных славян. ИЖ, 11—12, 1943, стр. 73—80; его же. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 99—101; его же. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 46 сл.

⁶ М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. СА, 3, 1957, стр. 114—129; его же. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 170—172; его же. Ромашки. МИА, 82, 1960, стр. 144.

⁷ Е. В. Махно. К вопросу о памятниках черняховского типа и прорезных выемчатых эмалях. КСИИМК, 62, 1956, стр. 148—151.

⁸ Е. В. Махно. Типи поховань та планування Компанийцевського могильника. Середні віки на Україні, I. Київ, 1971, стр. 87—99.

⁹ И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 181—183; Г. Ф. Корзухина. Спорные вопросы истории Среднего Поднепровья в I тысячелетии н. э.— Доклад, прочитанный на заседании Ленинградской секции Ученого совета Института археологии АН СССР 17 декабря 1969 г. Архив ЛОИА АН СССР, к. п. 1692/49 (1), стр. 9.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 53—55.

¹¹ В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА АН УССР, 4, Киев, 1955, стр. 27—29; В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круд. Археолого-магнитная разведка в Киевской области. Сб. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.», 1, 1967.

¹² Л. Д. Поболь, Д. В. Наумов. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня. Доклады к XI конференции молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967, стр. 424—437.

Окончательно не выясненной остается этническая атрибуция выемчатых эмалей лесостепного Поднепровья. Как известно, поначалу они были приписаны готам¹³. После критики «готской теории», развернутой в 40-е и последующие годы, украшения с эмалью рассматривались преимущественно как принадлежащие черняховской культуре, созданной якобы славянами¹⁴. Существуют еще две версии относительно атрибуции эмалей: по одной, они оставлены балтами¹⁵, по другой — аланами¹⁶. За этими расхождениями скрываются различные взгляды на ход этногенетического процесса в Поднепровье. Аргументация же, сопровождающая разные точки зрения, во многом одинакова — обычно она сводится к картографированию эмалей и некоторым априорным суждениям. Главное, что может продвинуть вперед разработку вопроса, это изучение всего культурно-хронологического комплекса, в котором эмали — лишь одно из слагаемых.

В последнее время в лесостепном Левобережье были обнаружены близкие к киевскому типу древности V (IV?) — VII вв. иногда определяемые в литературе как памятники типа Курган Азак. Они пока не получили твердой датировки, но, несомненно, какая-то их часть не выходит за хронологические рамки существования эмалей. Сюда относится прежде всего ряд поселений, открытых в 1966 г. В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным¹⁷. На одном из них, находящемся у с. Большие Будки в верховьях Сулы, был найден бронзовый браслет с утолщенными, орнаментированными концами, датирующийся временем не позднее VI в. Точно такой же браслет в одном случае найден вместе с двумя эмалированными фибулами¹⁸. Серединой I тысячелетия датируется основной слой селища в уроч. Белопольское у с. Беседовка в верховьях Сулы¹⁹, а также привлекшие внимание еще Н. Е. Макаренко бескурганые погребения по способу сожжения у с. Артюховка²⁰. В Волинцево на Сейме представлен не только комплекс VIII—X вв., частично опубликованный, но и более ранний, содержащий керамику аналогичную встреченной в Курган Азак и Беседовке²¹. В Курском Посеймье, северной окраине лесостепи, несколько памятников V—VII вв. обнаружено Ю. А. Липкингом²², Э. А. Симоновичем здесь исследовалась Воробьевка 2²³ (рис. 1).

Памятники этого типа занимают северную часть лесостепного Левобережья и принадлежат тому же культурно-хронологическому кругу, что и десятки поселений, а также отдельные могильники, обнаруженные в течение двух последних десятилетий в поречье Десны и Юго-Восточной Белоруссии (типа Колочинского I городища и близких ему). Они представлены небольшими, по преимуществу открытыми поселениями и бескурганскими могильниками с сожжениями, располагающимися на всхолмлениях в до-

¹³ И. Р. Аспелин. Следы влияния гот в северной полосе России. Тр. VIII AC. III, М., 1897, стр. 56.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 46, сл.; М. Ю. Брайтчевский. Походження Русі. Київ, 1968.

¹⁵ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970, стр. 48—53.

¹⁶ Г. Ф. Корзухина. Спорные вопросы...

¹⁷ В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в Днепровской левобережной лесостепи. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 55—61.

¹⁸ A. Kaminski. Z. badań nad pograniczem polsko — rusko — jaćwieskim w regionie rzeki Sliny. WA. XXIII, 2, 1956, str. 161—164, rys. 17.

¹⁹ С. В. Махно. Разкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. АП УРСР, V, Київ, 1955, стр. 79.

²⁰ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 118, 119.

²¹ Д. Т. Березовец. Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волинцево Путивльского района Сумской области. Архив ИА АН УССР, 1949/10, № 866, стр. 18 сл.; Фонды ИА АН УССР.

²² Ю. Липкин. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 38—51.

²³ Э. А. Симонович. Исследование черняховского поселения Воробьевка 2. АО — 1970, М., 1971, стр. 70—72.

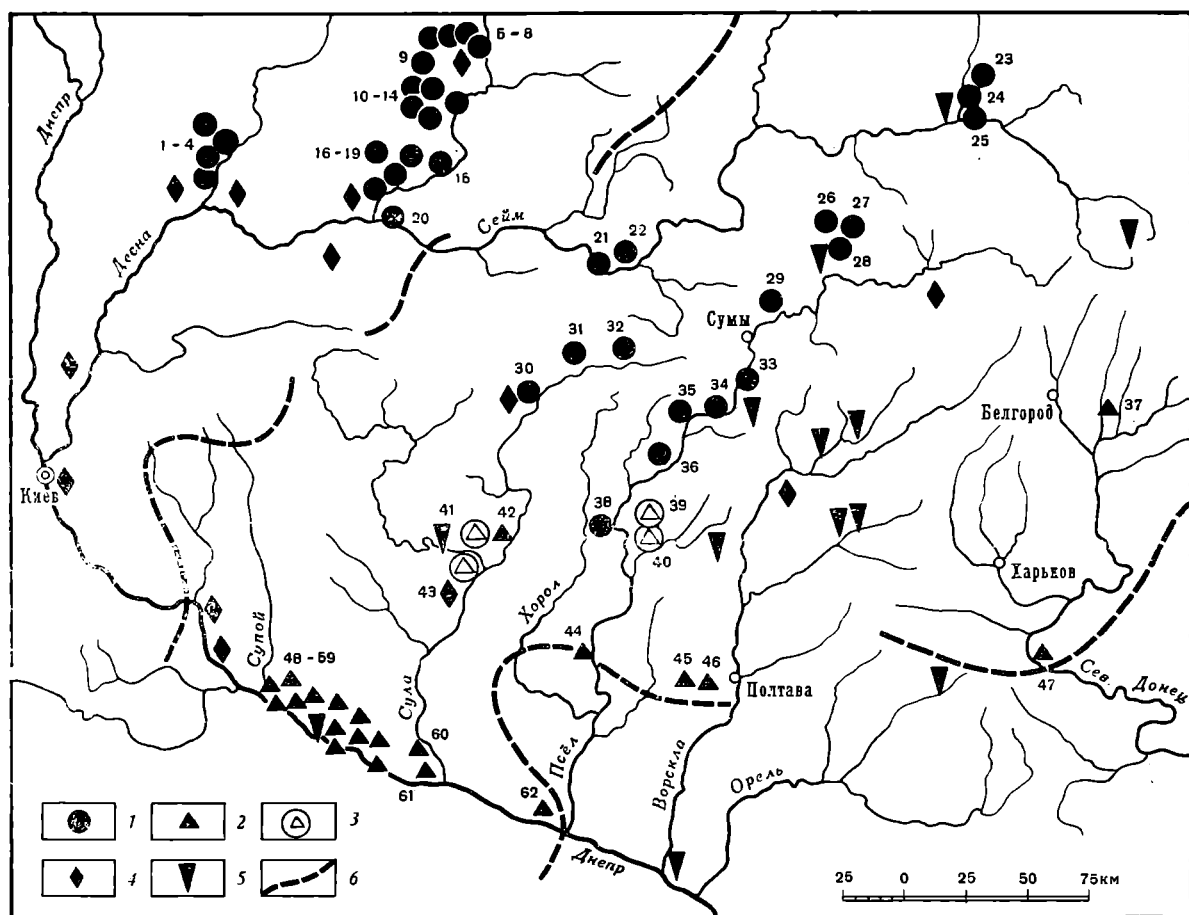

Рис. 1. Памятники середины и третьей четверти I тысячелетия на левобережье Среднего Дняпра. 1 — памятники колочинского и близкого ему типа; 2 — памятники пеньковского типа; 3 — памятники, тип которых требует уточнения; 4 — вещи с выемчатой эмалью (по И. И. Ляпушкину и Х. А. Моора); 5 — «древности антов» из случайных находок (по И. И. Ляпушкину); 6 — граница лесостепи

1 — Ключков; 2 — 0,2 км к юго-востоку от Седнева; 3 — в 1,2 км к югу от Макишива; 4 — Ровчак; 5 — Целиков бугор; 6 — Колодезный бугор; 7 — Смяч, уроч. Загребля; 8 — между селами Смяч и Мамекин; 9 — Форостовичи; 10 — Стрелица; 11 — Лавриков лес; 12 — Левкин бугор; 13 — Заярье; 14 — Стахорщина; 15 — Вишеньки; 16 — Сосница; 17 — Конятин I; 18 — Конятин II; 19 — Киреевка; 20 — Долинское; 21 — Чаплище; 22 — Волынцево; 23 — Воробьевка II; 24 — в черте г. Курска; 25 — Лебяжье; 26 — Замощанская дюна; 27 — Княжий; 28 — Суджа; 29 — Груновка; 30 — Артюховка; 31 — Беседовка; 32 — Большие Будки; 33 — Низы; 34 — хут. Писковка; 35 — Курган Азак; 36 — Плешивец; 37 — Дмитровское; 38 — Рашево; 39 — Лютенские Будища; 40 — хут. Великий; 41 — Позвяки; 42 — Сенча; 43 — между селами Тишки и Хитцы; 44 — Писаривщина; 45 — Демидовка; 46 — Полтавцы; 47 — Залонецкое; 48 — Домантово I; 49 — Домантово II; 50 — Домантово III; 51 — Коробковка; 52 — Мойсинцы; 53 — Мельники; 54 — Васютинцы; 55 — Крутьки I; 56 — Крутьки II; 57 — Самовица; 58 — Котлов; 59 — Ирклиев; 60 — хут. Миклашевский; 61 — Жовнин; 62 — Радуцковка

линах рек, низких береговых уступах и пологих склонах, ограниченных поймой. Жилища, углубленные на 0,2—0,5 м, с центральным столбом и открытым очагом, подобные раскопаным в Беседовке и Воробьевке 2, особенно характерны для деснинских поселений середины I тысячелетия. Жилища такой конструкции и планировки обнаружены, в частности, на селищах Колодезный бугор, Лавриков лес, Заярье, Киреевка, Стрелица, Форостовичи 24, Левкин бугор 25, Целиков бугор 26. Известны они и на Гомельщине 27. В тех же древностях находит соответствие и керамика лесо-

²⁴ П. Н. Третьяков. Из предыстории славянского жилища. «Archeologia Polaki», XVI. 1—2, 1971, 235—248.

²⁵ Э. А. Симонович. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине. КСИА, АН СССР, 120, 1969, стр. 64—65, рис. 22.

²⁶ Е. А. Горюнов. Селище Целиков бугор на Средней Десне. КСИА АН СССР 129, 1971, стр. 42—46, рис. 13.

²⁷ Э. А. Симонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 108, 1963, стр. 118, рис. 16.

степных памятников типа Курган Азак и Лебяжьего I — грубая, лепная, с шероховатой и бугристой, но изредка и подлощенной поверхностью, неорнаментированная. По форме это горшки, сковородки с низким бортиком и диски. Спорадически встречаются миски. Горшки типологически делятся на пять основных видов. К первому относятся горшки баночной формы, максимальный диаметр которых в полтора-два раза меньше высоты и приходится на ее середину, а диаметр горловины и дна равны или почти равны друг другу (рис. 2, 1). Другой вид представляют горшки также баночной формы, отличающиеся от первых более широкой по сравнению с дном горловиной. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть высоты. Соотношение между ним и высотой составляет 1 : 1,5 (рис. 2, 2). К третьему типу отнесены суженные книзу горшки с широко открытой горловиной и выпуклыми боками, обычно приземистые (рис. 2, 3). К четвертому виду относятся цилиндро-конические горшки. Излом стенок соответствует середине высоты. Он бывает плавным, скругленным или имеет вид острого ребра (рис. 2, 4). Наконец, к пятому виду принадлежат горшки биконической и близкой к ней формы. Ребро, как правило, находится на середине высоты. Оно бывает хорошо выраженным, даже подчеркнутым валиком, или скругленным, образованным плавным переломом стенок (рис. 2, 5). Конечно, этими пятью видами, выступающими в различных соотношениях, не исчерпываются все формы горшков данного круга керамики, но именно они определяют своеобразие керамических комплексов середины I тысячелетия в обширном ареале, будь то Верхнее Поднепровье или поречье Среднего Псла и Курское Посеймье.

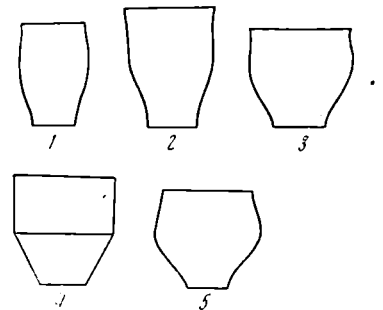

Рис. 2. Основные формы керамики памятников северной группы

Появление керамики этого типа основывается на времени не позднее IV в., что доказываются находками в Лавриковом лесе и Жуковке подвязных фибул второй половины III — IV вв.²⁸ Такая ее датировка вполне допускает сосуществование в северном пограничье лесостепного Левобережья, с одной стороны, наиболее ранних памятников рассматриваемого круга и, с другой, черняховской культуры, верхней хронологической границей которой принято считать конец IV — начало V в. Это тем более вероятно, что в ряде лесостепных памятников, датирующихся неопределенно, не точнее, чем серединой I тысячелетия, встречено два разных типа керамики: лепная, связываемая с IV—VII вв., и гончарная шероховатая и лощеная, которая типична для черняховской культуры. К тому же оба типа керамики были встречены в развале печи на селище Лебяжье IV²⁹. Черняховское воздействие ощутимо и в керамике лесной зоны: в Долинском на Нижнем Сейме найдена миска, имеющая черняховскую профилировку³⁰, в Заярье на Средней Десне встречены чашечка на массивном низком поддоне и обломок гончарной миски с кольцевой закраиной на днище³¹. Собственно, как отмечает Э. А. Сымонович, в Курском Посеймье сплошь и рядом встречаются поселения, содержащие наряду с грубой лепной гончарную керамику, характерных для черняховской культуры типов³².

²⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 263, рис. 77; его же. Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э....

²⁹ Ю. А. Липкин г. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском. АО — 1968. М., 1969, стр. 62.

³⁰ О. Н. Мельниковская. Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме. АО — 1968..., стр. 59.

³¹ Раскопки автора.

³² Э. А. Сымонович. Северная граница памятников черняховской культуры, МИА, 116, 1964, стр. 7—43.

Э. А. Сымонович связывает эти памятники исключительно с черняховской культурой. Однако сам факт присутствия на поселениях гончарной черняховской керамики не может считаться надежным критерием для определения характера памятников, тем более что речь идет о Курском Посеймье — периферии черняховской культуры. Кроме того, нельзя не учитывать, что соотношение между черняховской культурой и древностями последующего времени, недостаточно изученными на Левобережье, пока никак четко не определено.

Как и выемчатые эмали, так называемые древности антов происходят большей частью из случайных находок, но в отличие от них связываются главным образом с лесостепным Поднепровьем, встречаясь за его пределами лишь за редкими исключениями. «Древностями антов» именуются бронзовые и серебряные украшения, относящиеся преимущественно к женскому убору, — фибулы разных типов, браслеты, серьги, височные кольца и т. п. Характерны также части наборных мужских поясов. Подобно эмалям, эти древности представлены как кладами, так и отдельно найденными украшениями. Датировка, принятая для них, VI — начало VIII в. ³³

Вопрос об этнической принадлежности этого убора сложен. Обращение к самим древностям дает немного. Формы, характерные для убора, общеевропейские. Некоторые из них, как справедливо отмечает М. И. Артамонов, «восходят к тото-сарматским типам, центр производства которых находится на Боспоре, другие своим появлением обязаны Византии» ³⁴.

А. А. Спицын, первым обративший внимание на эти древности, полагал, что они принадлежат антам ³⁵. Именно с легкой руки А. А. Спицына название «антские» закрепилось за лесостепными кладами VI — начала VIII в. Возможность такого решения А. А. Спицын обосновывал хронологией кладов и их размещением, согласующимся якобы с тем, что сообщает о расселении антов Прокопий Кесарийский. Версия А. А. Спицына не является убедительной — сообщение византийского историка о расселении антов «к северу от утигуров», на которое он указывал, допускает различные толкования ³⁶. А. А. Спицын сам признавал, что отсутствуют массовые памятники VI—VII вв., которые доказывали бы оседлость населения, оставившего клады, и преемственное развитие культуры во второй половине I тысячелетия.

При всем том эта версия нашла поддержку со стороны сначала Б. А. Рыбакова ³⁷, а несколько позднее М. Ю. Брайчевского ³⁸ и других исследователей. С разными коррективами она и до сих пор господствует в литературе. По Б. А. Рыбакову, лесостепные клады VI—VII вв. относятся к черняховской культуре, антской по принадлежности. Им высказана также мысль, что клады принадлежат не столько антам, сколько русам — одной из этнических групп, скрывавшейся под этнонимом «анты».

Поправки, внесенные М. Ю. Брайчевским в гипотезу А. А. Спицына, вытекают из защищаемой им концепции, согласно которой славяне составляли автохтонное население Среднего Поднепровья. Как и Б. А. Рыбаков, он относит «древности антов» к черняховской культуре. Основания

³³ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 64—82; М. И. Артамонов. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. Доклады Географического общества СССР, 15, 1970, стр. 123—128.

³⁴ М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, стр. 61, 62.

³⁵ А. А. Спицын. Древности антов. «Сборник статей в честь академика И. Соболевского». Л., 1928, СБОРЯС АН СССР, ст. 3, стр. 492—495.

³⁶ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 10.

³⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 57 сл.; е го же. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23—104.

³⁸ М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы..., стр. 114—129; е го же. Біля джерел..., стр. 67 сл.

для этого он видит: в «фактах», свидетельствующих о переживании черняховской культуры до VI—VII вв.; в «фактах», непосредственно указывающих на связь «комплекса пальчатых фибул» с позднечерняховскими памятниками³⁹.

Необоснованность утверждения об антской принадлежности черняховской культуры и генетической связи между нею и Киевской Русью особенно очевидна сейчас, когда точно определилась хронология этой культуры и стали известны достоверные памятники третьей четверти I тысячелетия, в том числе корчакского типа, несомненно генетически увязывающиеся с древнерусской культурой. Датировка черняховской культуры III—IV вв. хорошо определяется монетами, амфорами, фибулами, стеклянной импортной посудой и т. п.⁴⁰. Что же касается «фактов», якобы указывающих на связь черняховской культуры с «древностями антов», то они не могут приниматься всерьез, поскольку памятники, рассматриваемые М. Ю. Брайчевским как чисто черняховские, с вещами «комплекса пальчатых фибул» представляют собой поселения в одних случаях, несомненно, многослойные, в других — не имеющие четко выраженной стратиграфии; таковы Скибинцы, Молочарня и др.

Другое понимание исторического процесса в Среднем Поднепровье представлено в работах И. И. Ляпушкина⁴¹, Г. Ф. Корзухиной⁴² и М. И. Артамонова⁴³. Г. Ф. Корзухина, некогда не соглашавшаяся с тем, что клады принадлежат кочевникам, ныне присоединилась в этом вопросе к И. И. Ляпушкину. Кочевниками, оставившими убор, она считает алано-болгар. Исходные положения, выдвинутые ею, заключаются в следующем: 1 — убор VI — начала VII в. по происхождению связывается с искусством Крыма и Северного Кавказа; 2 — отсутствие в лесостепном Левобережье поселений и могильников VI—VII вв. означает, что здесь в это время не было оседлости.

Подобную же позицию в отношении так называемых древностей антов занимает и М. И. Артамонов. Некоторое отличие заключается в том, что ведущая роль в создании днепровской лесостепной культуры VI — начала VIII в. — пастырской, по терминологии М. И. Артамонова, приписывается не аланам, а западным болгарам — кутригурам. Нельзя согласиться с заключением об отсутствии оседлости в VI — начале VIII в., сделанном М. И. Артамоновым относительно всего лесостепного Поднепровья, а Г. Ф. Корзухиной относительно левобережной его части. Попытка отождествить поселения пеньковского типа со стойбищами кочевников, предпринятая М. И. Артамоновым, с нашей точки зрения, не имеет достаточных оснований. В этом отношении позиция П. Н. Третьякова, недавно выступившего с критикой концепции М. И. Артамонова⁴⁴, безусловно прочнее.

Массовые памятники типа Пеньковки, хронологически и территориально увязывающиеся с «древностями антов», лучше изучены на Правобережье, где они были впервые обнаружены. С их открытием разработка двух взаимосвязанных вопросов — о времени появления в лесостепном Поднепровье славян и этнической атрибуции кладов VI — начала VIII в. — уже не может основываться исключительно на анализе убора. Один из путей решения этих вопросов состоит в определении генетической основы па-

³⁹ Там же, стр. 167—170.

⁴⁰ М. Б. Ш у к и н. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 104—112.

⁴¹ И. И. Л я п у ш к и н. Днепровское лесостепное Левобережье...

⁴² Г. Ф. К о р з у х и н а. Спорные вопросы... Пользуюсь случаем выразить благодарность Г. Ф. Корзухиной за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой работой.

⁴³ М. И. А р т а м о н о в. Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура. «Археология», 1969, 3, София, стр. 1—9; е го ж е. Болгарские культуры..., стр. 23—28; е го ж е. Славяне и болгары в Поднепровье..

⁴⁴ П. Н. Т р е т ь я к о в. Что такое «пастырская культура»? СА, 1971, 4, стр. 102—113.

мятников пеньковского типа. Не меньшее значение имеет и выяснение отношения последних к культуре VIII—X вв., бесспорно принадлежащей славянам.

Границы распространения пеньковских памятников в лесостепном Левобережье пока можно наметить лишь приблизительно. В восточном направлении, они, видимо, тянутся вплоть до Северского Донца, где смыкаются с салтовской культурой. Об этом можно судить по исследованиям на салтовском катакомбном могильнике близ с. Дмитровское на р. Короче (бассейн Северского Донца), где была выявлена группа захоронений по обряду сожжения, сопровождавшихся лепной керамикой пеньковского, как указывает С. А. Плетнева, типа. В одном из погребений (1) рядом с большим биконическим горшком-урной находился типично салтовский пифос-корчага с двумя ручками. Вблизи с. Дмитровское С. А. Плетневой обнаружено и селище с пеньковской и салтовской керамикой⁴⁵. Ниже по течению Северского Донца, у с. Задонецкое, поселение пеньковского типа исследовалось Б. А. Шрамко⁴⁶. В 1971 г. оно обследовалось М. П. Кучерой и О. В. Сухобоковым. Собранная ими керамика представлена обломками биконических и округлобких горшков с примесью шамота в тесте, в том числе одного крупного сосуда-зерновика биконической формы, имеющего невыделенный, украшенный валиком венчик⁴⁷. Обращают на себя внимание находки гончарной керамики с пролощенным орнаментом, на которые указал Б. А. Шрамко.

Южная граница пеньковского ареала на Левобережье заходит в степную зону, спускаясь до Надпорожья⁴⁸. Характерная лепная керамика найдена Л. М. Рутковской в ряде мест на р. Орели⁴⁹. Два поселения пеньковского типа обнаружены на Полтавщине, в южном пограничье лесостепи, в 1971 г. Днепровским Левобережным отрядом⁵⁰. Одно расположено на пологом склоне уступа правого коренного берега р. Ольховой Голтвы, в 2 км ниже с. Демидовка Решетилковского района. Культурный слой селища, перекрытый и подстилаемый черноземом, стратиграфически не выражен. Кроме находок третьей четверти I тысячелетия он содержит и более ранние, которые принадлежат черняховской культуре. К третьей четверти I тысячелетия относится характерная грубая лепная керамика с примесью шамота и дресвы в тесте. Формы сосудов: биконические горшки, сосуды зерновика с налепным валиком на венчике, сковородки с низким бортиком (рис. 3, 10—20).

Совершенно такой же характер имеет керамика, найденная на втором селище, расположенном у с. Писаривщина Великобагачанского района, в устье балки, впадающей слева в долину небольшого ручья — притока Псла. Селище вытянуто вдоль берега балки на 300—350 м. Культурный слой распаивается, его толщина около 0,3 м. Найдены обломки горшков биконической формы, сделанных от руки из глины с примесью шамота, неорнаментированных, а также сковородок с низким бортиком.

Еще одно селище с биконической керамикой тогда же было обнаружено на правом берегу р. Полуозерье, притока Ворсклы, близ с. Полтавцы Полтавского района. Оно занимает невысокий край коренного берега и ос-

⁴⁵ С. А. Плетнева. Работа Северо-Донецкого отряда. АО — 1966, М., 1967, стр. 54, 55; е е же. Работа Левобережного Днепровского отряда АО — 1970, М., 1971, стр. 72—74.

⁴⁶ Б. А. Шрамко. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця Ворскли. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV, Київ, 1972, стр. 125—128, рис. 1.

⁴⁷ Фонды ИА АН УССР.

⁴⁸ А. Т. Сміленко. Осіле населення степового Подніпров'я в ранне середньовіччя «Археологія», XXII, Київ, 1969, стр. 161—179.

⁴⁹ Л. М. Рутковская. Исследование раннесредневековых памятников на р. Орель в 1968 г. Сб. «Археологические исследования на Украине в 1968 г.», III, Киев 1971, стр. 47—49.

⁵⁰ Работа проводилась под руководством автора.

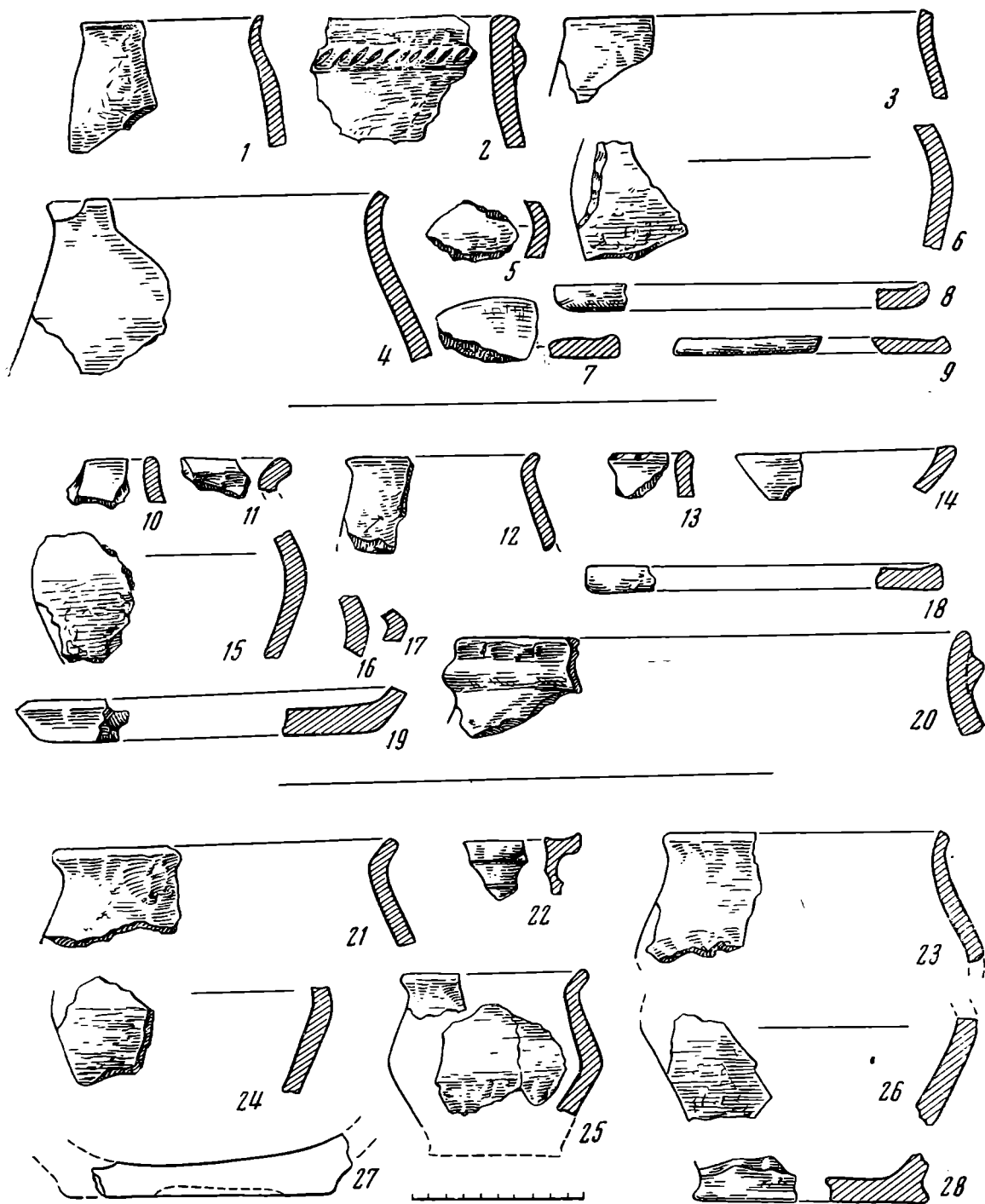

Рис. 3. Керамика с поселений послечерняховского времени
1—9 — Сенча; 10—20 — Демидовка; 21—28 — Полтавцы

нование отходящего от него пологого мыса, далеко вдающегося в пойму реки. Толщина культурного слоя в отдельных местах достигает 0,5 м. На селище была выявлена хозяйственная яма. Среди найденной керамики преобладают обломки небольших лепных горшков, преимущественно биконической формы (рис. 3, 21—28). В тесте различается примесь шамота. Поверхность гладкая и шероховатая. В целом эта керамика выглядит архаичнее встреченной на первых двух поселениях. Венчики сосудов только отогнутые наружу, невыделенных нет. Отсутствуют некоторые типичные пеньковские формы, в частности сосуды с валиком, сковородки. На селище был найден венчик — «воротник» гончарного лощеного сосуда черняховского типа (рис. 3, 22). Поскольку четких культурных отложений III—IV вв. не обнаружено, можно думать, что он относится к тому же комплексу, что и лепная посуда, и датируется скорее всего V в.

Такими же особенностями отмечена керамика селища в устье Сулы поблизости от с. Жовнин, в уроч. Василенки. Раскопками Л. М. Рутковской в 1969 г. здесь обваружены два сильно разрушенных жилища и хозяйственная яма. Происходящая из них керамика исключительно лепная и состоит в основном из биконических горшков с отогнутыми наружу венчиками. Сюда относится также миска характерной для черняховской керамики профилировки. Поселение датируется V в.⁵¹ Еще одно селище послечерняховского времени открыто в низовьях Сулы М. П. Кучерой в 1957 г. Оно расположено в 1,5 км к востоку от хут. Миклашевского на берегу оз. Быстрик. Отсюда происходят два серебряных браслета с массивными утолщенными концами, аналогичные представленным в «древностях антов»⁵². На левом берегу Днепра в зоне затопления Кременчугской ГЭС и вблизи от нее Д. Т. Березовцем обнаружено 13 пеньковских поселений: 12 между устьями Сулы и Супоя и 13-е, Радудковка, несколько выше г. Кременчуга⁵³.

Где проходила граница между памятниками типа Пеньковки и типа Курган Азак и Лебяжьего, по имеющимся данным сказать трудно. Вполне возможно, что верхние временные границы у них не совпадают. Нынешние датировки, основанные главным образом на типологических признаках керамики, широки и в этом смысле ненадежны.

Нужно сказать, что поиски границы были одной из задач Днепроовского Левобережного отряда в 1971 г. К сожалению, не удалось осуществить сплошного обследования р. Псла вниз от самой южной точки северной группы памятников — Рапшево. Были обследованы отдельные отрезки правого берега Псла между селами Великая Обуховка и Балаклея, а также на некоторые притоки этой реки в том же ее течении. Всего здесь было обнаружено три селища, несомненно принадлежащие послечерняховскому времени. На двух из них, расположенных на правом берегу р. Грунь-Ташань у с. Лютенские Будища, была найдена керамика, не дающая ясного представления о природе этих древностей. Третий памятник — Писаривщина имеет в материале пеньковские черты. Он находится непосредственно на границе степи, далеко к югу от Рапшево.

В поречье Сулы памятники пеньковского типа известны гораздо севернее, чем на Псле. Материалы этого типа представлены на древнерусском поселении у с. Сенча Лохвицкого района, состоящем из городища с кольцевым валом и примыкающего к нему селища. Поселение занимает остров, образованный старицей и современным руслом Сулы. Разведочные работы на нем проводились И. И. Ляпушкиным в 1948 г.⁵⁴ Кроме культурных остатков времени Киевской Руси на городище и селище была встречена грубая лепная керамика, неверно датированная И. И. Ляпушкиным эпохой бронзы. Она характеризуется горшками преимущественно биконической формы, сковородками с низким бортиком. Имеется венчик сосуда-зерновика, украшенного толстым валиком⁵⁵, покрытым насечками (рис. 3, 1—9).

Близкая, хотя и менее выразительная лепная керамика была найдена И. И. Ляпушкиным на поселении в низовьях Удая, правого притока Сулы, между селами Тишки и Хитцы⁵⁶. Она была также отнесена к бронзовому веку⁵⁷.

⁵¹ Л. М. Рутковська. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської області. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV, Київ, 1972, стор. 224—229.

⁵² М. П. Кучера. Отчет о раскопках на древнерусском городище у хут. Миклашевского Еремеевского сельсовета Градишского района Полтавской области в 1958, 1959 гг. Архив ИА АН УССР, 1959/1г, № 3331, стр. 14.

⁵³ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 191, рис. 22.

⁵⁴ И. И. Ляпушкин. Днепроовское лесостепное Левобережье..., стр. 340, 341: его же. Отчет о работе Днепроовской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1948 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, д. 95, стр. 87, 88.

⁵⁵ Фонды Гос. Эрмитажа.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ И. И. Ляпушкин. Дневник Днепроовской Левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР, 1948 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1948 г., д. 93, стр. 18, 19.

Итак, есть все основания полагать, что пеньковским типом на Левобережье была занята широкая полуса, охватывающая как лесостепные, так и степные районы, начиная от Днепра вплоть до Северского Донца (рис. 1). Вопросы, связанные с изучением пеньковского типа, остаются неразработанными. Окончательно не выяснено его происхождение, отношение к достоверно славянской культуре того же и последующего времени. Д. Т. Березовцом, первым выделившим этот пласт древностей, было высказано мнение о том, что он оставлен славянами, а некоторые его отличия, особенно заметные в керамике, от раннеславянской (корчакской) культуры являются локальными⁵⁸. Вывод о славянской атрибуции пеньковского типа получил признание в литературе. Между тем дело обстоит далеко не так просто, как это представлялось Д. Т. Березовцом и др.

Как уже говорилось, памятники пеньковского типа известны главным образом по поселениям, обнаруженным в правобережной части Поднепровья. В основном это материалы разведок. Раскапывались только немногие из них — Молочарня, Луг I, Стецовка, Дереевка, поселение в балке Яцевой и некоторые другие. Для них, по утверждению Д. Т. Березовца, характерны обычные для славян жилища — полуземлянки с печью каменной в углу. В действительности это не совсем так. В Молочарне удалось проследить неправильной конфигурации углубления в материке с пятнами прокаленного песка и отдельными кусками гранита⁵⁹. Конструкцию и планировку этих полуземлянок можно только предполагать. Что касается поселения в балке Яцевой, то здесь в одном случае за жилище принято пятно округлых очертаний с очажной ямой в центре, прослеженное в культурном слое, в другом — полуземлянка без очага или печи, на две трети разрушенная⁶⁰. Жилища-полуземлянки, обнаруженные в Дереевке⁶¹ и в Домантове⁶², не имеют правильных очертаний, к тому же в них выявлены не печи, а очаги. На селище у хут. Крещатик от жилища сохранилась одна из его стенок и беспорядочное скопление камней⁶³. В Игрень-Подкове в 1953 г. В. Н. Даниленко и А. В. Бодянским исследованы слегка углубленные жилища, имевшие как будто печи-каменки⁶⁴. Но для них отмечены и «каменные фундаменты», встречающиеся только в жилищах салтовской культуры⁶⁵. Жилища, обложенные камнем, открыты еще на одном поселении с пеньковской керамикой, в 2 км к югу от с. Майорки на правом склоне балки Звонецкой⁶⁶. Жилища здесь отличаются от славянских и по размерам (одно из них — 11 × 7 м). Согласно А. В. Бодянскому, для «антских» поселений, открытых им в Надпорожье, более характерны наземные жилища⁶⁷, как известно, чуждые ранним славянам. Впрочем, сведения А. В. Бодянского, почти ничем не документированные, в целом недоказательны.

Жилища полуземлянки, тождественные славянским, были открыты на селище Луг I близ с. Пеньковка и несколько хуже сохранившиеся в Сте-

⁵⁸ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 145 сл.

⁵⁹ Там же, стр. 150.

⁶⁰ А. Т. Брайтчевская. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье. МИА, 108, 1963, стр. 253, рис. 2; стр. 255, рис. 5.

⁶¹ Д. Я. Телегин. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. КСИА АН УССР 12, Киев, 1962, стр. 16, 17, рис. 2.

⁶² С. С. Березанская. Отчет о работе в окрестностях с. Домантово Золотоношского района Черкасской области в 1958 году. Архив ИА АН УССР, 1958/1д, № 3257, стр. 16 сл.

⁶³ Е. Ф. Покровская, Г. Т. Ковпаненко. Отчет о работе Крещатицкого отряда Кременчугской первобытно-скифской экспедиции 1958 г. Архив ИА АН УССР, 1958/1в, № 3395, 3398.

⁶⁴ В. Н. Даниленко. Раннеславянские памятники на Днепровских порогах (по раскопкам 1953 г.). Архив ИА АН УССР, 1953/4а, № 2102, стр. 4 сл.

⁶⁵ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 63; А. В. Гадло. Южное Приазовье в период хазарского каганата. Автореф. дис. Л., 1969, стр. 8.

⁶⁶ А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье СА, 1960, 1, стр. 274—277.

⁶⁷ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 194; А. В. Бодянский. Загальний звіт про археологічні дослідження в Надпоріжжі за 1952 р. Архив ИА АН УССР, 1952/2г, № 1873, стр. 37 сл.

цовке. Но на этих поселениях встречена и несомненно славянская лепная и раннегончарная керамика, близкая типу Луки Райковецкой, которой в Молочарне и ряде подобных селищ с жилищами неопределенных типов нет совсем.

Согласно Д. Т. Березовцу, для пеньковских памятников, особенно наиболее ранних, таких как Молочарня, типичны лепные горшки с ребром на середине высоты. Эта посуда, как он полагает, также является признаком славянской принадлежности, поскольку она встречается в слоях некоторых бесспорно славянских поселений. Этот вывод, однако, не основан на стратиграфических наблюдениях или исследовании несомненно закрытых комплексов, например погребальных. К числу пеньковских Д. Т. Березовцом отнесены все те памятники, в которых была встречена так называемая биконическая керамика, независимо от того, обнаружена ли она *in situ* или в переотложенном, нарушенном пахотой слое, содержащем разновременные отложения. И нет уверенности в том, что не этим объясняется различие памятников, считающихся пеньковскими — селищ с несомненно славянскими слоями, с одной стороны, и Молочарни и степных комплексов, подобных селищу в балке Яцевой, с неопределенными жилищами и так называемой биконической керамикой, с другой.

Следует сказать, что древности, имеющие определенные связи с днепровскими VI — начала VIII в., открыты в среднем течении Южного Буга⁶⁸, на территории Молдавской ССР⁶⁹ и румынской Молдове⁷⁰. Вместе с тем исследованные здесь памятники имеют существенные особенности, что не позволяет отождествлять их с пеньковскими. Отличия видны в керамике, которая представлена не только пеньковскими формами, но и другими, в том числе аналогичными известным в корчакском и пражском вариантах славянской культуры VI—VII вв. Она сближается и со славянской посудой более позднего времени. То же можно сказать и о жилищах VI—XII вв. на территории Молдавии и в среднем течении Южного Буга — полуземляночных, срубной и столбовой конструкции, с печами в правом заднем от входа углу.

Если вывод о преемственности развития культуры во второй половине I тысячелетия в полосе лесостепи к западу и юго-западу от Среднего Днестра не вызывает особых сомнений, то подобное заключение в отношении лесостепного Поднепровья пока не подтверждается фактами. О взгляде М. И. Артамонова на этническую историю Поднепровья в третьей четверти I тысячелетия уже шла речь в связи с проблемой «древностей антов». Пеньковские памятники и синхронные с ними клады лесостепи, по его мнению, являются ингредиентами одной, так называемой пастырской культуры, принадлежащей болгарам — кутригурам. Основу концепции М. И. Артамонова составляет то положение, что в лесостепном Поднепровье в третьей четверти I тысячелетия не было оседлости. Но именно в этом звене, как уже говорилось, она уязвимее всего.

Вместе с тем кочевнические элементы безусловно есть в днепровской и лесостепной культуре VI — начала VIII в., но выражены они слабо и являются как бы привнесенными, четко отделяясь от определяющих компонентов. Но поскольку они прослеживаются, можно полагать, что лесостепное Поднепровье в это время в этническом отношении не представляло однородного массива только оседлого земледельческого населения. О пребывании здесь кочевнических групп, видимо, свидетельствует округлая наземная юрта, открытая в Стецовке⁷¹, ряд одиночных погребений по обряду ингумации с вещами «антского» типа, известных в лесостепном Поднеп-

⁶⁸ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, 1963, стр. 320—335.

⁶⁹ Э. А. Рикман, И. А. Рафалович, И. Г. Хынку. Очерки истории культуры Молдавии (II—XIV вв.). Кишинев, 1971, стр. 59—119.

⁷⁰ Dan Gr. Teodor. Regiunile răsăritene ale României în secolele VI—VII. *Memoria Antiquitatis*, I, 1969, p. 181—206.

⁷¹ В. П. Петров. Стецовка. МИА, 108, 1963, стр. 215, рис. 3, 3.

ровые еще с конца прошлого и начала нашего веков⁷². М. И. Артамонов прав, отмечая южное происхождение гончарной посуды так называемого пастырского и канцирского типов, постоянно встречаемой на пеньковских поселениях. Керамика, аналогичная гончарной пастырской — серой, с пролощенным узором, для которой особенно характерны шаровидные горшки, обычна для праболгарских поселений и могильников Северо-Восточной Болгарии. Есть она и в салтовской алано-болгарской культуре⁷³. Канцирская керамика, представленная главным образом искусно сделанными кувшинами, также по происхождению связывается со степным Причерноморьем, Северным Кавказом⁷⁴. Места ремесленного производства этой посуды открыты у с. Мачуха близ Полтавы и в балке Канцирке в Надпорожье⁷⁵. Однако не гончарная привозная, а изготовлявшаяся на месте лепная посуда определяет прежде всего характер пеньковских памятников. Наличие в них «пастырской» керамики может указывать лишь на тесные контакты между пеньковскими племенами и этнически пестрой средой Северного Причерноморья.

Последние открытия на Левобережье подтверждают положение о том, что «древности антов» входят в тот же культурно-хронологический комплекс, что и пеньковские памятники. Не ясно, однако, изготовлялись ли предметы убора собственно пеньковцами или, как и гончарная керамика пастырского и канцирского типов, они являлись ремесленной продукцией выходцев из Северного Причерноморья, например части аланов, как считает Г. Ф. Корзухина. Одним из центров ремесленного производства, по всей видимости, было Пастырское поселение, которое находится в пеньковском ареале. Следует отметить, что кроме гончарной керамики с пролощенным орнаментом здесь была встречена лепная посуда, в большей части отличающаяся по формам от пеньковской⁷⁶, но сближающаяся по ряду признаков с комплексами степного Юга⁷⁷. В них, в частности, находят аналогии приземистые, широко открытые горшки с прямым вертикальным или слабо наклоненным наружу венчиком. Вместе с тем есть основания полагать, что с ювелирным делом были знакомы и обитатели пеньковских поселений. На ряде памятников найдены льячки, обломки тиглей и другие следы производственной деятельности, связанной с плавкой цветных металлов и их обработкой.

В материальной культуре пеньковской группы населения и ее северных соседей, стоявших на одном уровне социально-экономического развития и находившихся, видимо, в контакте, наряду с различиями прослеживаются и некоторые соответствия. Это касается отчасти керамики⁷⁸. В этой связи нужно указать и на находки украшений «антских» типов в памятниках колочинского или, по Ю. А. Липкингу, лебяжьинского типа в Курском Посеймье⁷⁹. Известны находки таких украшений под Меной и Сосницей⁸⁰,

⁷² А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II. СПб., 1894, стр. 29, 148, 149; Н. П. Авенариус. Поставмукские курганы. ЗРАО, VIII, 1—2, СПб.; 1896, стр. 179—187; В. Ё. Данилевич. Раскопка курганов около с. Буд и х. Березовки Ахтырского уезда Харьковской губернии. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 428; М. И. Артамонов. Славяне и болгары..., стр. 124.

⁷³ С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 122—126; Ст. Михайлов. Относно произхода на ранносредневековната чернолъскава керамика в България. «Археология», III, 4, 1961, стр. 5—11.

⁷⁴ Т. М. Минаева. Керамика в балке Канцирка в свете археологических исследований на Півночному Кавказі, «Археологія», XIII, Київ, 1961, стр. 119 сл.

⁷⁵ Н. Макаренко. Отчет об исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, 22. СПб., 1907, стр. 116 сл.; А. Т. Брайчевский. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. «Археологія», XIII, стр. 114 сл.

⁷⁶ Фонды ИА АН УССР — материалы из раскопок М. Ю. Брайчевского в 1949 и 1955 гг.

⁷⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 51—55, рис. 17, 18 на стр. 52.

⁷⁸ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 109, рис. 2.

⁷⁹ Ю. Липкин. О чем рассказывают курганы, стр. 45—49.

⁸⁰ Ю. С. Виноградский, Д. И. Лавьюк. Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах. КСИА АН УССР, 9, Киев, 1960, стр. 96—98.

в могильнике у с. Усох в Верхнем Подесенье⁸¹. Суджанский клад, как теперь выяснилось, происходит с поселения, которое Ю. А. Липкин, открывший его, считает возможным сопоставить с Лебяжьим I⁸².

Мало что можно сказать о происхождении и генетической основе пеньковских памятников. Не лишена основания версия о черняховско-пеньковских связях, высказанная В. В. Седовым⁸³ и И. П. Русановой⁸⁴. В настоящее время открыто немало черняховских поселений, на которых найдены не только типичная для III—IV вв. гончарная керамика, но и грубая в технологическом отношении ручной лепки посуда, а иногда, видимо, и по формам мало чем отличающаяся от пеньковской. Правда, далеко не всегда можно быть уверенным в том, что лепная керамика в этих случаях не принадлежит более поздним слоям. На правобережье такие древности отмечены И. П. Русановой⁸⁵. В лесостепном Левобережье, как уже говорилось, обнаружены памятники V в., в керамическом комплексе которых, представленном преимущественно биконическими горшками, присутствуют некоторые черняховские элементы. Указанные наблюдения носят самый предварительный характер и нуждаются в проверке. Очевидно, что если между пеньковскими и предшествовавшими им памятниками существовали какие-то связи, то они должны обнаружиться не только в керамике, но и в других компонентах культур. Однако в широком плане такие связи остаются невыявленными.

Итак, в лесостепном Левобережье к предроменскому времени относятся две группы памятников, занимающих различные территории и отличающиеся друг от друга отдельными элементами. В первую входят памятники колочинского и близкого ему типа, с которыми и связано проникновение в лесостепную полосу выемчатых эмалей. Вторая, южная группа представлена памятниками пеньковского типа. Начиная с VI в. в пеньковском и частично колочинском ареалах получают распространение «древности антов», что явилось результатом ремесленной деятельности пеньковцев и (или) проживавших бок о бок с ними выходцев из Северного Причерноморья.

Этническая принадлежность памятников обеих групп не поддается надежному определению. Разработка этого вопроса затруднена скудостью имеющихся источников, как письменных, так и археологических. Вопросы этнической истории Среднего Поднепровья третьей четверти I тысячелетия уже не могут рассматриваться на материалах отдельных памятников. Последние должны быть систематизированы, изучены в своих взаимосвязях и отношении к другим культурам.

E. A. Gorunov

CERTAINES QUESTIONS DE L'HISTOIRE DES STEPPES BOISEES
DE RIVE GAUCHE DU DNIÉPR (V — DÉBUT DU VIII SS)

Résumé

Les sites archéologiques des V—VII ss reconnus dans les steppes boisées de rive gauche du Dniepr se divisent en deux groupes: septentrional qui fait un avec les sites dits de Kolotchine et méridional qui correspond aux sites du type de Pegnkovka (fig. 1). La pénétration en V s, dans la zone des steppes boisées, d'émaux creusés est en relation avec le groupe septentrional.

A partir du VI s. les aires de répartition de sites de Pegnkovka et, partiellement, de Kolotchine voient la diffusion des antiquités des Antes — parures de toute sorte, pour la plupart féminines, éléments de ceintures en plaques masculines etc — ce qui était le résultat des activités artisanales des Pegnkoviens ou des populations avoisitantes, originaires du littoral nord de la mer Noire ou bien des uns et des autres.

⁸¹ В. А. Падун. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 317.

⁸² Ю. А. Липкин. Ук. соч., стр. 49.

⁸³ В. В. Седов. Ук. соч., стр. 69.

⁸⁴ И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и русь». М., 1969, стр. 149.

⁸⁵ Там же.